

Роман Солнцев

Игра

Опубликовано
в журнале
«День и ночь»
№7/2006

1.

— Что так согнулся? У тебя что-то за ночь отросло?— хихикнула сестрёнка, глядя на Антошу, который проковылял, стыдливо сломавшись в поясе, из постели к ванной.

Ужасно смутившись, братик прошипел:

— Д-дура!— и исчез за дверью. И добавил со злостью:— Мочалка!..

Но это слово он пробормотал, лишь когда закрылся. Он никогда не сказал бы этого в глаза— Антоша обожает свою сестру-красавицу.

А она всё равно, конечно, догадалась, что он продолжает за дверью сердиться.

— Да ладно уж!..— засмеялась во всё горло и, утвердив перед собой на столе зеркальце с картонным откидным хвостиком, принялась очень серьёзно намазывать кремами и румянами своё юное личико.

Все знали—и мама, и Антошка, и соседи по лестничной площадке, и подруги по школе: у Калабутиных грядёт свадьба. Обещал и отец из тайги приехать, где он зарабатывает, валя для китайцев лес.

Жених—классный паренёк Сашка Беглов, со смеющимися зубами, они у него чуть спутаны спереди, как лапшинки. Говорит быстро, скороговоркой— время экономит. И голова обрита наголо (такая у крутых мальчишек нынче мода). Он с серебряной медалью окончил школу, и через год его должны взять в армию. Только не должны бы взять—он один у своей матери. Отца-то у него нет. А если Сашка женится да ещё ребёнка родит, то в армию не возьмут долго. Говорят, до двадцати семи лет.

Вот у соседей дылда Никитка—уже года три бегаёт от армии... то в деревню к бабушке укатит на попутных машинах, нацепив для маскировки тёмные очки, то в больницу его родители полжат, а недавно он ещё и справку купил, что гомосексуалист. Теперь уж точно не возьмут, а если и возьмут, то отправят с такими же что-нибудь строить. Только что он построит, вялый, хилый, с красными губами, под два метра росту?..

А Сашка—мужчина. Ходит—как железный: цок-цок. И не оглядывается при этом, а попробуй сзади прыгни на него—схватит за уши и через себя перебросит. Был такой случай в школе...

А сейчас—жениться ему самое время. И есть на что жить: он—«мастер золотые руки», так говорят взрослые. Любую машину починит, любой ремонт осилит.

Ходит с железным кейсом в руке. Антоша несколько раз поднимал этот кейс—ой, тяжёлый, будто ведро с водой. Там внутри—инструмент. Когда Сашка набирает код замка и откидывает крышку, Антоша жмурится—здесь всё так сверкает. И молоточки разного размера в ряд, и отвёртки разного размера, и плоскогубцы, и ножницы... чего только нет! И все они прижаты с боков особыми губами: часть—к нижней половине кейса, часть—к верхней,—и не выпадают, даже если потрясти...

Сашка недавно купил мотоцикл «Хонда», носится вихрем по городу, зарабатывает на свадьбу да на подарки будущей жене и её родителям.

— Сань, у нас труба гудит...

— Уговорим!

— Сашка, нам бы дверь железную...

— Чтобы куда открывалась? В светлое будущее?

— Сашка, нам бы паркет... какой лучше купить?

— Лиственничный. Дешевле дубового в три раза и громом не пахнет.

Конечно, первым делом Сашка произвёл полный ремонт в двухкомнатной квартире невесты. Натка ему помогала—квас приносила из магазина, обои мазала клеем, шурупы-саморезы подавала. Да и Антоше дело нашлось—перетаскивал стремянку, как прикажут.

Жильё стало как игрушка, такие по телевизору показывают. Причём свет можно включать из любого угла: вот тут нажмёшь—в ванной загорится, а на кухне погаснет. И наоборот.

Потом Сашка поработал у соседей, где живёт дылда Никитка, а потом выше—в двухъярусном логове бизнесмена Куфтика. Багровый дед с вишнёвой бабочкой на шее и синими буквами «ВИТЯ» на левом кулаке заплатил щедро и угворил навести «марафет» на его даче. Можешь помощников набрать, сказал Сашке, это твои проблемы, закончишь—получишь на руки три тысячи баксов. Сашка съездил, осмотрел дачу и ответил: семь тысяч. Или я не берусь. Богач дёрнул животом, хохотнул и согласился.

И вот сегодня Сашка должен приехать уже богатый, получив расчёт. Чтобы договориться с Наташей, когда венчаться пойдут и когда свадьба. А до этого, наверное, предстоит поход в загс. Как пошутил Сашка, это Зал Автоматического Государственного Соединения. Или Завод Агротомной Глупости Сибирияков.

Да разве только сибирияков? Да и не глупость это — жениться. Хорошее дело.

Антоша понимает перспективы.

2.

Они вошли вдвоём (за дверью, кажется, это они хохотали... а чего, плакать, что ли?): Сашка и священник с жидкой рыжеватой бородкой в два ручья, на нём чёрная длинная ряса, в руке икона.

Переступив порог, раскрасневшийся поп погасил свой звонкий, почти женский смех, смиренно потупил глаза, поклонился:

— Мир дому вашему. Да пребудет Господь с нами.

Сашка явился в белом пиджаке и белых брюках, уже купил где-то, только штiblеты прежние, жёлтые, а через руку перекинута, в прозрачной плёнке, сияющее, как первый снег, подвенечное платье для Натки.

— Держи, мадмуазель, — он подал его и два раза быстро улыбнулся — Елене Игнатьевне и Антошке: смущался, что ли? — Поторопись, мадмуазель.

— А разве не в церкви? — растерянно спросила мама, кивком здороваясь с молодым попом.

— А сейчас допускается, мода такая, на дому, эксклюзив, — скороговоркой пояснил Сашка. — Садитесь, батюшка.

Священник улыбнулся, степенно сел на стул и принялся оглядывать жильё.

Наташа ушла в комнату, где она спала рядом с Антошкой все последние годы.

Священник спросил у Сашки:

— И сколько времени ты здесь работал, сын мой? — Неделю.

— У меня сделаешь подобное?

— Сделаю.

Мать понимающе кивнула:

— Он не пьёт, не курит.

— Знаю. Высококонравственный человек.

— В церкви-то, пожалуй, большие труды понадобятся.

— В церкви-то? Конечно, — священник ответил, нажимая на «о». И повторил: — Конечно, — и загурчал весёлым смешком. Увидев удивлённые глаза женщины, тут же серьёзно пояснил: — Красота нужна. Духовность воспитывает...

Из спальни выпорхнула Наташа, став необычайно красивой в новом платье. Священник поднялся и насупился, поправил большой тусклый крест на груди.

— Встаньте рядом, — попросил он жениха и невесту.

И когда Сашка и Наташа встали рядышком, переглядываясь и улыбаясь — скуластая Натка чуть угрюмо, а Сашка отчаянно, поп спросил: — А никаких мужчин поблизости сейчас нету? — Нету!... — огорчённо откликнулась мама. — А надо?

— Надо. Конечно, в нашем бывшем Советском Союзе и женщина как мужчина... по трудам своим... но всё же... — и странный поп поманил Антошу: — Ты давай встань слева от сестры. Кого бы ещё позвать?... И в соседях нет?

Сашка хмыкнул, глянул на мать Наташи.

— Можно Никитку, Дурень, но если помолчит...

— А что с ним? — спросил поп.

Сашка подмигнул Антоше, и Антоша не удержался:

— Свиной язык варёный сунул в рот, высунул кончик, две иголки воткнул... мамка его — в обморок.

Священник закашлялся — его, наверное, душил смех. Действительно смешно. Однако, насупившись, важный гость попросил:

— Позови его, сын мой.

И Антошу назвал сыном. Так у них, у церковных деятелей, принято. И всё же странного, странного священника нашёл Сашка для венчания. Очень уж молодой. Но ведь и времена новые. Говорят, даже по интернету венчаются. А кто венчает — и не узнаешь.

Антоша сбегал к соседям — Никитка сидел дома и с полу смотрел мультик. Зевая и спотыкаясь в разболтанных тапочках, он поплёлся за Антошей.

Негромко объяснив ему задачу, священник поднял икону и, осенив ею Наташу, торжественно спросил:

— Раба Божия Наталия, согласна ли ты стать женой раба Божьего Александра, помогать ему в горестях и болезнях до самого смертного часа?

Помедлив, побледнев, Натка тихо ответила:

— Да.

Осенив иконой Сашку, священник спросил: — Раб Божий Александр, согласен ли ты взять в жёны рабу Божию Наталию, быть ей верным супругом и помощником во всех делах житейских, в горестях и болезнях до самого смертного часа?

— Ага, — как-то по-детски ответил Сашка. — Ну.

— Целуйте! — произнёс священник, и Наталья с Сашкой по очереди приложились к иконе, на которой Антоша никак не мог толком сбоку разглядеть, что изображено, какой-то суровый лик на чёрном. — Итак, именем Господа нашего объявляю вас мужем и женой.

Мать, утирая слёзы, подошла к дочери.

— Поздравляю доченька... — обняла её, затряслась. Потом смятенно поникла перед Сашкой. — Ты уж береги её..

— А то! — Сашка весело поцеловал Наташу в щёку. Торопясь, проговорил: — По-настоящему на свадьбе. Бегу договариваться в ресторане: на пятницу или субботу?

Мать с дочерью не нашлись что сказать.
— Наверное, на пятницу, — ответил сам себе жених, счастливо смеясь и глядя на наручные часы. — Я позвоню...

И они со священником поспешили из квартиры, Сашка весь в белом, как трудящийся дневной ангел, а поп в чёрном, как ангел сладострастных ночей... Между прочим, даже имени своего не назвал, не представился. Важный какой.

3.

Прошла неделя — Сашка всё не появлялся.

Мать вечером после работы спрашивала у дочери:

— Ещё не решили, когда?

А Натка в ответ, пожимая плечами, смеялась: — Зарабатывает!

В самом деле: свадьба свадьбой, а куда потом идти молодожёнам?

Сашка обитает со своей матерью на окраине, в «полупорке», так называется квартира маленькая, с проходной узкой комнаткой. И конечно же, стеснять родительницу не хочет. А устраиваться в двухкомнатной квартире Калабутиных — да никогда! Он гордый. Натка сказала, что он заявил: «Жених должен вести невесту к себе, а не на её территорию».

Но чтобы заработать на новую квартиру, это сколько же надо потрудиться по чужим квартирам и дачам?! Говорят, нынче стоимость двухкомнатной больше полумиллиона. Может быть, Сашка снимет в аренду чужую пустующую квартиру, если не терпится связать судьбу свою и Натки.

Кто бы объяснил их планы. Но Сашка словно исчез из города, только иногда звонит невесте, видимо, смешит, потому что она, разговаривая с ним, хохочет, как дура, даже попрыгивает, как коза. Сашка очень остроумный. Хоть бы пересказала сестра братцу, о чём они говорили. Но после разговора Натка сразу же утыкается в учебники — собралась поступать в университет.

Главное, что они с Сашкой повенчаны. Это имеет огромное значение, если, конечно, Бог есть.

Однажды Антоша вышел за кефиром по приказу мамы и увидел знакомого священника. Да, это он, весёленький молодой поп, ехал в серебристой машине «Lexus», рядом с ним откинулась на спинку сиденья кудрявая, как пудель, девица в красном и курила, а он хохотал и в одежде был совсем не церковной.

И никакой бороды — сбрил её священник. Видимо, плохо растёт: чего уж позориться?

А через пару дней, когда Антоша играл с пацанами во дворе в футбол, во двор вкатилась та самая иномарка. Рядом с попом, облачённым в зеленоватый костюм и сверкающий галстук с золотой иглкой, сидел Сашка, только Сашка был не похож сам на себя — хмурый, губы кусал.

Он о чём-то говорили.

— Не жди меня, — донеслось до Антоши.

— Нет уж, подожду, — отвечал тоненьким голоском поп.

Раздражённо помедлив, Сашка кивнул и вошёл в дом, а Антоша приблизился с мячом к машине. — Здравьете, — окликнул он священника.

Тот недоуменно дёрнул румяной щекой, узнал подростка — и глаза его сверкнули.

— Привет, сын мой, — он засмеялся.

— А чё сбрили? — спросил Сашка, показывая на подбородок.

— А сейчас все бреют, — отвечал дружески поп. — Я и волосы хочу — как Сашка. Он утверждает: мысли так лучше работают.

Говорить больше было не о чём. Не спрашивать же, есть Бог или нет?

А Сашка всё не возвращался.

— Ну, как ты учишься? — спросил безбородый поп. — Ты в восьмом?

— В девятом! — поправил Антоша.

— Учись, мой сын, наука совращает... — и молодой священник снова рассыпался бисером смеха.

Антоша помнил эти строки из сочинения Пушкина, и там не совсем так. Там что-то про трудности жизни.

— А сколько бензина жрёт? — спросил Антоша, кивнув на машину.

— Немного. А что, мечтаешь о колёсах? — и сколько подросток молчал, подмигнул ему. — Будет у тебя машина. Со временем. Вот договоримся с Сашкой о работе...

— А что, много запросил? — удивился Антошка.

— Очень много! — весело отвечал поп. — Очень! Я понимаю, краска, клей, с точки зрения экологии вред...

Он не договорил, потому что из подъезда выскочил Сашка. Он был угрюм, но, увидев возле машины Антоша, озарил его своими спутанными, как лапша, зубами.

— Ты чего тут? Всё хорошо, — он быстро пожал Антошке руку. — Поехал дальше ковать жёлтый металл.

И «Lexus» укатил, увозя Сашку и забавного попа.

4.

И вдруг сомнения начали одолевать Антошу. Какой-то уж больно легкомысленный поп. Взял и бороду сбрил. А Сашка, добрая душа, с ним будто бы в ссоре. Почему?! Сашка всегда всем улыбается, даже дуракам вроде Никитки, а с этим уехал — будто тёмный чулок натянул на лицо.

Вечером Антоша отпросился у матери в кино, а сам, немного пугаясь, пошёл к Николаевской церкви. Возле маленького старого храма с синими стенами и облупленным золотом кривоватых куполов сидели на скамейках старухи, они торговала свечками и маленькими иконками, со спичечный

коробок. Антоша купил одну свечку и скользнул за тяжёлую дверь.

В храме было сумеречно, пахло подсолнечным маслом, шла служба, старухи и даже вполне молодые женщины низко кланялись, шептали молитвы, крестили себя сложенными в щепоть пальцами. Антоша зажгёт свою свечу о свечу, воткнутую в какой-то ящик с дырочками, и подступил ближе к священнику.

Поп в этой церкви был тоже не старый, но глаза у него были скорбные, щёки впалые, борода тяжёлая. Он ни разу не улыбнулся, голос его, негромкий и очень внятный, заполнял пространство:

— Господу нашему помолимся...

И ему подпевали:

— Помолимся...

Антоша впал в непонятное состояние, словно в сон. Такое чувство наваливалось на него на уроках истории — мечты уносили Антошу через века.

Он и не заметил, как все женщины покинули храм, на прощание приложившись губами к кресту. И лишь тогда очнулся, когда поп положил тёплую ладонь ему на голову и тихо спросил:

— У тебя что-нибудь случилось?

Антоша никогда не был ябедой, а всё же хотелось, хотелось спросить, почему такой потешный поп приходил к нему домой. Настоящий ли он, получил ли диплом. Вместо этого вопроса Антоша задал другой:

— А дома венчать можно? Это меня просили старшие ребята узнать.

— Дома? — удивился священник. — Нет, таинство венчания происходит всегда в храме, — он задумчиво смотрел на подростка. — Разве что в исключительных случаях... если один из венчаемых или оба по болезни не в состоянии сами прийти к храму... Но я не помню такого случая.

— А обратно не делают?

— Ты имеешь в виду — не развенчивают ли? Снимают венец, но это вновь — в редчайших случаях, и только в том храме, где венчали, и делает это только протоиерей.

— Так и передам... — пробормотал Антошка. И, чтобы что-то ещё спросить, теперь уже как бы от своего имени, повёл рукой в сторону иконостаса: — Это алтарь?

Он слышал такое слово, да и в художественной литературе оно часто встречается. Говорят: жизнь положить на алтарь отечества. Наверное, все эти святые как раз и положили жизнь на алтарь отечества.

Священник не улыбнулся наивному вопросу подростка, мягко ответил:

— Алтарь — вся вот эта часть храма, восточная часть. Она отделена иконостасом. Там находится престол, жертвенник. Туда проходить можно только мужчинам. Не хочешь ли ты, сын мой, в церковную школу нашу?

— Я подумаю.

Покраснев от невольной лжи, оттого, что вдруг узнал страшную тайну: неправильно поступил поп, придя домой венчать Сашку с Наткой, — Антоша быстро покинул церковь, забыв оставить там свечку.

Он брёл по тротуару, сжав её, уже согнувшуюся в его кулаке, и думал про себя: «Надо открыть глаза Сашке. Сегодня же! А если встретится безбородый, экзамен ему устроить...»

5.

Антоша вечером у сестрёнки спросил:

— Сашка был?

— Не! — мотнула головой Натка и продолжала с улыбкой читать учебник физики.

Почему они все такие легкомысленные?! И этот странный поп (хорошо, если он протоиерей, ему простится. А может, только ещё учится в церковной школе?), и сама Натка! Ну, Сашка — понятно, у него такой характер. Хотя с чего бы ему веселиться, если венчание может оказаться неправильным, а свадьба откладывается третью неделю?!

Антоша решил отыскать, где работает Сашка. Он сказал матери, что утром к восьми побегит на скалозвон, сажать деревья возле школы, мать удивилась и разрешила. Он закрутил до упора будильник, поднялся раньше звонка, в половине седьмого, и на велосипеде покатил на окраину, где жил Сашка.

Вот его дом, серый, бетонный, в четыре этажа. На торце красными и синими красками намалёвана всякая всячина: пасть крокодила, задница слона с хвостом, «ЛЮБА + ВАСЯ = ...» — дальше всё зачёркнуто, чьи-то инициалы, размашистое — с метр высотой — дурное слово. Вокруг толпятся железные гаражи, собачьи конуры. Возле маленькой детской площадки стоят ворота для качелей, а сами подвески без сидений скручены в разные стороны, как скручивается лопнувшая гитарная струна. Большие парни бесились. Сашка рассказывал, что много раз налаживал, но «против лома нет приёма».

Антоша помнит, Сашка начинает ремонтные работы ровно в девять. Значит, он ещё завтракает, выйдет через полчаса и помчится на своей «Хонде». У него мотоцикл синий с жёлтой полоской, на бензобаке — красotka Мэрилин Монро.

Но что это? К подъезду подрулила знакомая серенькая иномарка, за рулём сидит поп. Тот самый!

Антоша почему-то испугался, отвёл велосипед за деревянную беседку. Поп был рассеян, он чиркнул зажигалкой, закурил и тут же выбросил сигарету через окно дверцы. Сигаретка валялась, дымя, среди всякого сора. Вот так и возникают пожары.

«Не бойся, иди узнать правду!» — сказал сам себе Антоша и с усилием, заставляя себя, толкая велосипед, приблизился к дорогой машине.

— А, это ты опять? — ухмыльнулся розовощёкий священник, пристально глядя на подростка.

— Натка просила с Сашкой поговорить... — соврал Антоша. — Чё-то про пироги.

— Пироги?... — священник глянул на часы. Достал сотовый телефон и набрал номер, позёвывая, спросил: — Ты скоро, милый? Я здесь.

И вновь с улыбкой уставился на Антошу.

— А вот можно вопрос? — подступил ближе Антоша, разглядывая сверкающую приборную доску машины. — А как называется этажерка... которая в церкви? Я заходил однажды в церковь — спросить постеснялся.

— Что за этажерка? — нахмурился поп.

— Ну, такая покатая... на ней книжка лежит...

Священник еще больше нахмурился.

— О таких вещах на улице не говорят.

— А вот алтарь... он с южной стороны или северной? Я с девочкой одной поспорил.

— С девочкой? — снова заулыбался поп. — С южной, с южной. Ну, иди, иди, вон твой Сашка.

Антоша поспешил к подъезду, бренча велосипедом и соображая, о чём же спросить у Сашки. А в голове звенело: «Поп не знает, с какой стороны алтарь! И ничего не знает про аналой!»

— Привет! — почему-то осердился жених Натки, исподлобья глядя на Антошу. — Ты чего тут делаешь?

Он был в синем комбинезоне, на голову нахлобучена синяя кепочка с прозрачным козырьком. — Саш... — зашептал, стреляя глазами в сторону, Антоша. — Саш... он не тот... не поп... я точно выяснил... я в церковь ходил...

— Ну и что? — хмыкнул Сашка. — Мы же играли. Чтобы маме угодить. И Наташка знает.

— Наташка знает?! — Антоша ничего не понимал. — А почему не по-настоящему?

Сашка вылупил зубы, снова их замкнул губами, помолчал, глядя куда-то вдаль.

— Долго объяснять. Мы же некрещёные. Как можно венчать людей некрещёных? А во-вторых... — он вновь помолчал. — Ладно, тебе скажу. Мы поссорились...

— С кем? С Наткой?!

Сашка кивнул. Он кусал ногти и, кажется, избегал взгляда Антоши. Смотрел как-то странно, тускло.

— Ладно, скажу правду, — наконец торопливо забормotal он. — Понимаешь, этот тип... ну, поп... моя крыша. Я брякнул ему дезу, что мы поссорились... дескать, она задружила с сыном Куфтика из вашего подъезда...

— Зачем деза?!

— Чтобы этот её не тронул, — Сашка кивнул в сторону машины, которая уже мигала фарами. — Хотел у меня её забрать за долги. А теперь не посмеет. Но всё это временно... Пока! — и, потрепав Антошу по голове, Саша открыл дверцу,

сел на сиденье рядом с мнимым священником, и «Lexus», нетерпеливо взвывая, улетел в город.

Ничего не понимая, Антоша покатил на велосипеде к своему дому.

6.

Что же это получается?! Сашка говорит, что они понарошку венчались, чтобы успокоить верующую маму. Мама каждый вечер стоит под картонной иконкой, лампадку жжёт, молится и плачет. А ещё недавно, говорят, комсомолкой была. Ей сон приснился, что Натка будет несчастна. Особенно часто она молилась и плакала, когда во время ремонта ей пришлось с Антошей уходить на две ночи к соседям, к тётке Марине, у которой как раз недавно умер муж, и старушка боялась спать одна в пустой квартире.

А Сашка с Наткой, поскольку уже привыкли к запаху красок и клея, оставались ночевать в обновляемой квартире. Но, как они говорили, спали в разных комнатах.

Ой, правда ли это? Утром, когда все собирались за чаем у соседки, глаза у Натки были масляные, как у мамы, когда ей капли глазные накапают. А Сашка всё ложечку с мёдом крутил, разглядывал да всякими историями сыпал.

— Тут один дядька из района машину оставил возле мэрии... ну, думает, здесь-то не украдут... а сам по магазинам... А в мэрии переполох. Стоит полдня машина — вдруг заминирована? Вызвали сапёров... шуму было...

Натка визжала от смеха, хотя чего уж тут смешного? Мать качала головой.

— А в нашем доме, — продолжал Сашка, — радио играет в одной квартире уже неделю. Бабки испугались: наверное, жилец помер. Полицию позвали, дверь взломали — а там никого. Оказывается, он в санаторий уехал, а чтобы воры не залезли, радио оставил включённым. Мне пришлось дверь менять... за свой счёт, конечно... да ладно, но пообедем. Верно, Натка?

Натка от смеха захлебнулась чаем. Любит она этого Сашку.

Да ведь и он непростой парень. Как-то, забежав во время ремонта в квартиру, Антоша услышал с порога торопливые слова:

— Всё будет красиво в нашей жизни, Наташа... вчера уснуть не могу... сейчас такие светлые ночи...

В ответ — шёпот Натки:

— А я в лесок ходила, там лилии, мёдом пахнут. Только усыхают мгновенно. Я принесла домой... валяются на полу, как шнурки...

— Их не надо рвать. Господи, а я вчера сижу дома... а за окном, над рекой, над садами, белая ночь царит, красота великая воды и небес движется. И из-за того, что мы врозь, это ещё сильнее спит, мучит меня... словно ты мстишь этой красотой. Мсти! И за это спасибо!

— Я не могу эlegantно. Я могу только любить.

Ах, как он elegantно работал! Например, Сашка стягивал полы, натянув проволочки вдоль и поперёк, а затем, как бульдозер, двигаясь над жидким цементом с деревянной планочкой, ровнял. А двери красил — ни тёмной ниточки! Белые, как снег на свету. Шурупы ввинчивал чем-то вроде маленькой дрели и весело тараторил:

— Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем... мировой пожар в крови, Господи, благослови!

Его на улице останавливали городские сантехники:

— Санька, дай червонец, ты ж не пьёшь! Что ли, спишь на деньгах?

— Да держите, отвяжитесь! — и Сашка весело подавал деньги.

Его никто никогда не обижал. Так ему ли бояться какого-то мнимого попа? Или этот румяный тип с девичьим голосом вооружён?

На следующее утро после ужасного разговора с Сашкой Антоша сел на велосипед и вновь принялся караулить у его подъезда. Только, чтобы быть неузнанным, надел кепку и чёрные очки.

Вскоре серебристая иномарка вновь подкатила к дому Сашки. А вот и сам мастер по ремонту, но почему-то не в комбинезоне, а весь в белом, ну точно такой, каким приходил венчаться, только, помимо белого пиджака и белых брюк, на нём и туфли белые. Видно, уже купил. Но зачем он так оделся, если на работу?

Низко опустив голову, Антоша погнал свой велосипед вслед за машиной, отставая ненамного, на два-три дома.

Вдруг иномарка свернула за город, вот она гонит по шоссе со скоростью как минимум девяносто... её уже почти не видно... Антоша всю крутит педали, да, кажется, напрасно — потерял он Сашку с попом...

Только что это? Машина выскочила вправо, на просёлочную дорогу, и над ней повисло серое облако пыли — прекрасный ориентир.

Антоша вслед за «Lexus'ом» влетел в лес и оказался в дачном посёлке.

Да, да, пацаны говорили, в основном бору живут в красных коттеджах большие начальники. Тут у них своё озеро с рыбой, своя охрана. Перед иномаркой поползло в сторону зелёное железо ворот, и Сашка с попом въехали во двор с фонтаном и цветочными клумбами — с велосипеда видно.

Антоша подрулил к белой бетонной стене забора со стороны соседнего строящегося дома, положил железного коня в крапиву и вскочил на гору кирпичей. Ага, Сашка и мнимый поп стоят во дворе, весело смеются, а перед ними пожилой громила в спортивном синем костюме и девица в белой майке и белой юбке, с ракеткой в руке.

Что это? Она, подпрыгивая, целует румяного верзилу, а потом и Сашку в щёку.

— Наконец-то!.. Так скучно без вас! — голос то-ненький, как у маленькой девочки, глазами моргает, а сама крупная, груди — как буферы у вагона. — Да, да, да!.. — гулко отзывается толстяк. — Особо, конечно, без нашего красавца! Вот мужчина! — он толкает Сашку в плечо, но тот стоит, почти не качнувшись, как столб. — Нам бы таких в милицию. А что, может быть, ещё и надумаешь?

— Посмотрим, папа, — отвечает нагло девица. И поворачивается к мнимому попу: — А ты, брателло, жиденький какой! Говорю: играй со мной, — а он!.. — и Сашке: — Пойдём?

И Сашка с девицей идут на корт, Сашка вешает пиджак на столбик с крючком, и красивые молодые люди начинают перебрасываться шариком. Пожилой громила (наверное, генерал) с улыбкой смотрит на них.

— Н-на!.. — стонет, отбиваясь, девица.

— Н-на!.. — отвечает Сашка.

— Н-ня!..

— Н-н-ня-я!..

Оба хохочут, как будто в этом есть что-то смешное.

— Пап, — обращается к старику мнимый поп.

— Чего тебе? — у пожилого дядьки гаснет улыбка. — Денег не дам.

— Ну на пиво!

— Пиво расслабляет. Иди траву покоси. Спалил косилку — руками поработай.

Свесив ушастую голову, рослый сыночек уходит за коттедж.

Антоша устал стоять, вытянувшись в струнку, на кирпичачах, сел подумать.

«Это что же получается? У Сашка здесь новая подруга. Никаким он ремонтом не занят, играет в теннис, веселится. А Натка его ждёт не дожждётся. А мне наврал: дескать, крыша у него... а эту крышу пальцем можно проткнуть...»

Антоша вновь поднялся на кирпичную горку — генерала (или полковника) не было, а Сашка с девицей целовались.

Под ногами у Антоши поехал кирпич, и он, размахивая руками, скатился вниз, больно оцарапав через брючину колено. Подтянул брючину посмотреть — ого, кожа содрана, кровь алая течёт. Ладно, заживёт.

А вот как быть с изменником?

Утирая слёзы (больно! Да и стыдно: обманули и сестру, и его самого!), Антоша поехал обратно в город.

7.

Однако то ли его заметили, то ли такое совпадение, но вскоре Антошу догнал мотоцикл, а на нём Сашка.

Обогнал, засигналил, остановился. Спешился и Антоша.

— Это ты?! Что тут делаешь?

— Ничего, — пробурчал, плохо видя его, Антоша. И более твёрдо, зло повторил: — Еду!

— А я тут мотоцикл оставил... как закончили ремонт, выпил маленько... уговорили за руль не садиться...

— Так ты пьёшь?

— Нет. Пьяных я презираю. Пусть скорее вымрут — нам больше работы. И воздух чище. Но случилось, уговорили, поднял рюмку... — он погладил руль «Хонды». — И вот забрал. Хочешь прокатиться? — Нет.

— Я тебе предлагаю прокатиться! Я — на велике, а ты — на мотоцикле.

— Сказал — не хочу!..

Сашка снова как-то странно, криво смотрел на Антошу.

— Милый ты пацан... ты же ничего не понимаешь... а тоже! У меня украли инструменты... кейс и ящик из гаража... это две тысячи долларов. И мне бы хана, если бы не эти люди.

Антоша, насупясь, молчал.

— Ну и этот, Валька... длинный... привязался к Натке... Знаешь, когда к кусту подойдёшь, где гнездо, птица отлетает в сторону, начинает чирикать. Мол, тут я, бери меня. Ты — к ней, а она дальше в сторону... отваживает от гнезда бандита... Вот и я... я же тебе объяснял...

— Какой он бандит? — наконец вырвалось у Антоши. — Он макарон. Против тебя.

— Он макарон, да вот дружки у него... из ментовки... страшные мужики.

Это походило на правду. Почувствовав, что Антоша поверил, Сашка повеселел, потрепал его по голове. Кепка слетела в пыль.

— Что ты как азербайджанец? Что ты надел? Давай я тебе вот эту отдам, — и напялил на Антошку свой кепарь с прозрачным козырьком. — Я и мотоцикл могу подарить. Хочешь? Прямо сейчас! Ты садишься на моего коня, я на твоего?

Антоша испугался. Такие невероятные подарки вдруг — ни к чему. Что-то тут есть страшное. Он потребует что-нибудь не говорить или что-нибудь сказать. Ой, неладно что-то, неладно в отношениях Сашки с Наткой...

— Анекдот хочешь? — засиял спутанными зубами Сашка. — Сидят два еврея в камере. Один другому: слышь, зачем тут решётки. Кто сюда полезет?

— Привет Натке передать? — угрюмо спросил Антоша.

Сашка вдруг переменялся в лице.

— Нет, я позвоню сам, — и, вновь вылупив зубы, скороговоркой: — Не хотел говорить, не хотел, да тебе скажу... Она в самом деле дружит с Оскаром, сыном Куфтика, в кино ходили, люди видели.

— Этого не может быть! — затрепетал Антоша.

— Что ты понимаешь! — Сашка зло сплюнул. — Всё может быть. Может, решила мне подыграть... да увлеклась.

И что-то ещё он говорил, быстро-быстро.

На языке крутилось: а чего ж ты с девчонкой сейчас целовался?! Но, может быть, это как раз игра? По телеку показывают: целуются все подряд с кем ни попадя, да ещё секундомером время засекают. Мама права: распустились люди.

8.

Антоша приехал домой омрачённый, в тоске.

— Что с тобой? — спросила мать. — Ты хромаешь! Ой, у тебя коленка чёрная! Подрался?!

— Да ерунда, упал!.. А где Натка?

— Быстро в ванную, промыть и йодом!.. Она пошла звонить Саше.

Натка вернулась, улыбается. Она сегодня очень красивая, только губы лишнего бордовой краской намазала. И скулы — розовой пудрой.

— Наташа, с тобой можно поговорить?

— Говори, — засмеялась Натка.

Они сидели в детской комнате. Сестра вытянула из угла любимого тряпичного жёлтого льва за лапу и положила на колени.

— Ну? Чего молчишь? Скажи «мяу».

— Брось со мной как с маленьким. Я всё знаю. Ты сама-то знаешь, что всё это игра... поп... и прочее?

— Конечно, — она вскинула огромные глаза юной женщины и снисходительно улыбнулась братишке. — Всё хорошо. Всё о'кей.

— О'кей?

— О'кей.

— А тебе известно, что «кей» — это «ключ»? И что за дверью может ничего не оказаться, как в какой-то, не помню, сказке? Дверь нарисована.

— Нет, — Натка вскочила, швырнула в угол льва и, схватив братишку за уши, поцеловала в губы. — Нет!

Антоша смятенно сник.

— А что дальше будет?

— И дальше будет всё хорошо.

Она улыбалась во все зубы. Пошла помогать матери готовить ужин.

Как же так?! И ночью не плакала — Антоша подолгу притворялся спящим, следил. Не плакала. С улыбкой спала.

Только через пару дней он увидел: сестра стоит на чужой улице, в стеклянной будке телефона-автомата, прижала чёрную трубку к уху... и всё лицо у неё блестит, мокрое от слёз.

Вот она медленно повесила трубку, обтёрла платочком щёки и вышла к прохожим, показывая зубы всему миру.

Всё хорошо. Жизнь прекрасна.